

Г. Н. Бабшанова

**Сопоставительный анализ повествования
в романе Я. К. Занкиева «Зори Иртыша»
и его переводе на русский язык**

Аннотация. Изучение региональной национальной литературы – неотъемлемая часть воспитания образованной и культурной личности читателя; знакомство с развитием литературы, культуры, истории каждого региона.

Переводные произведения многих тюменских авторов, в частности, Я. К. Занкиева, Н. М. Шамсутдинова, Б. В. Сулейманова, до сих пор не исследованы в полной мере и ждут своего самостоятельного анализа.

О татарской литературе Тюменского региона написано в научных статьях, монографических исследованиях отдельных авторов, но переводная литература татар, живущих на тюменской земле, не изучена. Поэтому необходимость адекватного и качественного перевода художественных текстов достаточно актуальна, в особенности для развития современной национальной литературы.

В 90-е годы прошлого столетия появились довольно интересные работы сибирских татар, которые позднее были переведены с языка оригинала на русский. Примечательным событием является издание перевода романа о семейных отношениях, быте, традициях, психологии, философии сибирских татар «Зори Иртыша» [1] (1996, 1998 гг.) на русский язык, который осуществила учитель английского языка, кандидат педагогических наук Н. Ш. Сайфуллина.

Целью исследования является сравнительно-сопоставительный анализ средств повествования в оригинале романа-дилогии «Зори Иртыша» сибирского писателя Якуба Камалиевича Занкиева и его перевода на русский язык.

Новизна работы заключается в том, что ранее при изучении творчества писателя и его переводных произведений не затрагивалась тема сравнительно-сопоставительного анализа средств повествования в романе.

В ходе анализа нами были применены сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический методы. Результаты данных изысканий показывают отклонения от точной передачи эмоционально-смысловой доминанты оригинала романа при переводе текста на русский язык.

Ключевые слова: татарская литература, роман, анализ художественного текста, повествование, смысл, эмоциональный фон, стиль.

G. N. Babshanova

**Comparative analysis of the narrative
in the novel Y. K. Zankiyev "Zori Irtysha"
and its translation into Russian language**

Abstract. Study of regional national literature is an integral part of educated and cultured individual of a reader; acquaintance with a development of literature, culture, history of each region.

Translated works of Tyumen authors are still not studied and they are waiting for an independent analysis. Tatar literature of Tyumen region is well studied, it is researched in the scientific articles, monographic researches of separate authors, but translated literature of Tatars, living on Tyumen land, is not studied. Therefore the need for adequate and high-quality translation of art works is rather relevant, especially for development of modern national literature.

In the 90th years in literature of Siberian region interesting works of Siberian Tatars, translated from original language into Russian, came in existence. A remarkable event is publication of the novel's translation about relations in a family relations, life, traditions, psychology, philosophy of

Siberian Tatars "Zori Irtysya" (1996, 1998) [10, 11] into Russian language. Translation was made by the teacher of English language, the candidate of pedagogics N. Sh. Saifullina.

The purpose of research is a comparative analysis of means of the narrative in the original of the novel-dilogy "Zori Irtysya" of Siberian writer Yakub Kamaliyevich Zankiyev and in its translation into Russian language.

Novelty of the work is that the question about a comparative analysis of means of the narrative of the novel never was studied earlier.

During the analysis we applied comparative, descriptive and analytical methods. The results of this research show deviations from exact transfer of an emotional and semantic dominant of an original of the novel in translating into Russian.

Key words: Tatar literature, the novel, analysis of literary text, narrative, meaning, emotional background, style.

Общеизвестно, что род литературы – «определенный, исторически сложившийся способ изображения (образного восприятия) в художественном произведении действительности, человека в процессе жизни; большие группы литературно-художественных произведений, объединяемых своеобразием хронотопа, способом изображения человека, формой присутствия автора и характером обращенности текста к читателю» [2, 189]. «Различие же между поэтическими родами Н. А. Добролюбов установил по типу повествовательной структуры, по тому, что преобладает в произведении – описание, рассказ или действие» [3, 69]. Художественное качество современной повествовательной прозы чаще всего образуется их синтезом.

Проза владеет двумя средствами – повествованием и мыслью. Повествование – это речь персонифицированного рассказчика или авторская речь (весь текст, кроме прямой речи персонажей); рассказ о событиях и о действиях участников этих событий, причинах и следствиях каждого происшествия; изображение действий и событий внешнего по отношению к рассказчику мира» [2, 179]. Как отмечали Р. Уэллек и О. Уоррен в «Теории литературы», автор ни в коем случае «не должен забегать вперед, он должен постепенно разворачивать свой свиток – чтобы мы видели не больше одной строки сразу» [4, 97].

Художественное произведение – явление как социальное, так и индивидуальное. Стиль его не может определяться только личностью автора, как бы ни была она ярка и замечательна. Сверхиндивидуальное в произведении обусловлено предметом изо-

бражения, характером времени, потребностями общества, состоянием искусства.

Несомненно, жизненный материал влияет на характер повествования. В дилогии татарского писателя Якуба Занкиева «Зори Иртыша», выбранной нами в качестве объекта исследования в данной статье, основной повествовательный материал составляют картины «жизни народа в определенном историческом этапе развития, насыщенной многочисленными испытаниями: такими, как революция, гражданская война, коллективизации, Великая Отечественная война» [5, 185]. Хотя в последнее десятилетие данное произведение не было обделено вниманием ученых [6–8], но ранее в литературоведении не рассматривался вопрос анализа средств повествования при переводе художественного текста на другие языки, что составляет новизну нашей работы.

В исследуемом произведении писатель ориентируется на объективное воссоздание действительности в ее конкретно-исторических формах. Поэтому повествование в романе предметно и аналитично. Интерес автора-рассказчика распределяется ровно между героями и событиями. Характер повествования (описание, рассказ о действиях, аналитическое обобщение) меняется в зависимости от цели сообщения.

Военной, исторической, социальной информации обычно соответствует описание. В романе Я. К. Занкиева ярко отображена целая панорама жизни сибирских татар. Здесь и лирические отступления, где автор размышляет о смысле жизни, о воинском долге, о нравственных категориях – вере, ответственности за близких людей, добре и человечности, любви и верности,

преданности, а также о тяготах и лишениях, которые тяжелым грузом легли на плечи каждой сибирской семьи.

Следует помнить, что В. Г. Белинский считал уместными в романе и повести «отступления, рассуждения, дидактику, нетерпимые в других родах поэзии» [9, 233]. Ни одно прозаическое произведение не обходится без описаний. И они не являются случайными или второстепенными.

Развитость описаний составляет стилевое своеобразие дилогии Я. К. Занкиева, хотя нельзя не заметить, что они иногда сдерживают аналитические возможности писателя. Обычно описания связаны с характеристикой разного рода обстоятельств. В анализируемом произведении почти каждая глава начинается с описания. Интересно проследить насколько сохраняется или претерпевает изменения данная особенность произведения писателя при его переводе на другой язык. В нашем случае речь идет о переводе литературного текста с татарского на русский язык (автор перевода Н. Ш. Сайфуллиной). «Карлы урамтыкрыклары белән тын гына утырган Сосновка авылында мәхшәр купты» [10, 397]. («В деревне Сосновка, доселе тихо расстилавшейся с заснеженными улицами и переулками, поднялась кутерьма» – наш перевод). Исследуемое предложение в переводе Н. Ш. Сайфуллиной звучит следующим образом: «Громыхая орудийными выстрелами, фашистская армада двигалась прямо на тихую, уже заснеженную Сосновку» [11, 60]. Сопоставление оригинального текста с данным переводом дает возможность выявить следующее: смысловой центр основного (оригинального) предложения текста собран вокруг существительного «деревня Сосновка», а в переводе он смещен к словосочетанию «фашистская армада», выраженном «существительное + прилагательное». В связи с этим, в переводном тексте мы отмечаем значительное снижение эмоционального фона, но в целом по тексту авторская мысль сохраняется.

Описание в произведении обычно переходит в изображение состояния, ситуации, действия. «Туктап тору, чигенгәндэй итү гап-гади маневр булган икән, дошман танклары Сосновканы уртада калдырып ике флангга таралдылар һәм авылны чолгап ала

башладылар. Уразаев ягыннан хәрәкәт юк-лыгын абайлап авылга бәрәп керделәр, тупларны изеп-сытып үтеп тә киттеләр. Расчетлар бер карышусыз һәлак булды. Уразаевның сизгерлеге меңгә артты, ул калган кешеләрне божраның тоташып житмәгән урыныннан алып чыгарга мөмкинлек барын абайлады» [10, 397]. («Оказалось, что остановка, создание видимости отступления, было простым маневром, вражеские танки, разъехались по двум флангам, оставляя Сосновку посередине, начали окружать деревню. Заметив, что со стороны (отряда) Уразаева нет никакого движения, фашисты ворвались в деревню, раздавив по пути все орудия, прошли вперед. Все расчеты вышли из стороя. Инстинкт Уразаева не подвел, он почувствовал, что в том месте, где кольцо не совсем сомкнулось, есть возможность вывести оставшихся в живых людей из окружения» – наш перевод). В представленном переводном тексте Н. Ш. Сайфуллиной описание данного фрагмента сражения совершенно отсутствует, следовательно, переводчик сделал опущение данного абзаца, разрушая внешнюю и внутреннюю целостность предложения. Такой вид изложения направлен на уменьшение роли повествователя в произведении, то есть автора. Сказанное подводит нас к мысли о своеобразной, выборочной включенности переводчика в события, происходящие в сюжете.

Далее изображение последовательно переходит в анализ чувств и мыслей героя, которое приводит к логическому обобщению ситуации: «Ачыкканын, арганын, хәзерге сәгатәтә язмышының аяусызлыгын оныттырып Уразаевның колагында: «Үз жиребезнең бер карышын да дошманга бирмәбез!» – дигән буш сүзләр яңгырады. Кем әйткән иде соң бу купшы жөмләне Мөхәммәткә? Илгә, халыкка?! Әйткән кешесе исенә төшкәч, моңарчы табынган иманы какшагандай булды, борчулы йөрәге “жу-у!” итеп китте. Аны курку басты. Мондый килбәтсез уйларга чумып яши башласаң бу подвалдан гомереңә чыгармаслар. Юк, юк, диде ул уйларында үзе белән үзе көрәшеп, илебез көчле, нык. Гражданнар сугышы елларында утлы божра эчендә калсак та күпме дошманны

дөмбәсләдек! Көлләрен күккә очырдык! Уразаев бер хакыйкәткә генә ышана: фашизм жиңеләчәк, тар-мар ителәчәк. Хаклык, гаделлек безнең якта. Читләр жиренә без басып кермәдек, сугышны без башламадык» [10, 337]. – «И все равно, вопреки всем бедам, у Мухаммеда снова застучало в висках: "Ни пряди родной земли нельзя отдавать врагу!" Кому Уразаев их говорил? Стране? Народу? Вспомнив автора слов, сердце его дрогнуло. Его непоколебимая вера рушилась. Страх овладел им. Если поддаться беспорядочным мыслям, то век не выбраться из сырого подвала. Нет, нет, – говорил сам себе Мухаммед, стараясь убедить себя, – государство наше сильное. В годы гражданской войны, попав в окружение врагов, отдубасили их так, что один пух летел. Здесь, в НКВД, Уразаеву давала силу лишь одна истина: фашизм будет побежден, будет развеян миф о его непобедимости. Не мы вторглись в чужую землю, не мы начали эту кровопролитную войну» [11, 20]. Здесь Я. К. Занкиев исследует движение человеческой души, следует за ходом мысли главного героя, убедительно раскрывая его переживания и боль [12, 9].

Переводчик использовал опущения: «Кем әйткән иде соң бу купшы жәмләне», «Хаклык, гаделлек безнең якта» [10, 337], употребил нужные по смыслу эквиваленты: «хәзерге сәгатәтә язмышының аяусызлыгын оныттырып Уразаевның колагында» в переводном тексте: «у Мухаммеда снова застучало в висках» [11, 20], таким образом, стремясь передать авторскую мысль. В предложении «Уразаевның колагында буш сүзләр яңгырады» [10, 336] («В ушах Уразаева звучали пустые фразы» (наш перевод)) переведен как «у Мухаммеда снова застучало в висках» [11, 20]; или, например, следующее предложение: «Кем әйткән иде соң бу купшы жәмләне Мөхәммәткә» [10, 337] («Кто же говорил Мухаммеду эту пышную фразу?») (наш перевод) переведено как «Кому Уразаев их говорил?» [11, 20], что приводит к совершенно противоположной трактовке смысла оригинального текста. В свободном косвенном дискурсе размываются границы между сферами сознания разных субъектов – повествователя и персонажа, или, в крайнем случае, возника-

ет дискурс, в котором, в основном, фиксируется состояние персонажа.

В любом аналитическом рассуждении частное соотносится с общим (внутренний монолог главного героя Мухаммеда о войне), становится его выражением, формой его существования. Например, «Гражданар сугышы елларында утлы божра эчендә калсак та күпме дошманны дөмбәсләдек» [10, 337]. – «В годы гражданской войны, попав в окружение врагов, отдубасили их так, что один пух летел» [11, 20]. Изобразительное повествование сюжетно. Человеческая жизнь и события представлены в нем не только во временной последовательности, но и в причинно-следственных связях.

Эта традиционная для романа структура текста – «описание – изображение – обобщение» – имеет свои варианты, поскольку порядок повествовательных элементов может отличаться. Как отмечено молодым региональным исследователем Г. Н. Бабшановой в работе «Художественная концепция личности в прозе сибирскотатарских писателей XX века: Занкиев Я. К., Сулейманов Б. В.», «Для творчества Я. К. Занкиева характерно обобщение собственного жизненного опыта, а также традиций своих предшественников и современников. На основании всего этого он выработал собственную социальную концепцию, собственную концепцию личности, собственный художественный метод, собственный язык, собственную манеру письма...» [13, 14].

Легко убедиться, что любой по структуре текст повествования подчиняется избранному писателем закону противопоставлений, скрещений. Например: «Алай булмады шул, ул тәүге сугышына барып керде, беренче тапкыр явыз дошман белән бил алышты, жиңелде дә, жиңде дә. Һәм аның беренче сугышы соңгысы да булды...» [10, 404]. – «Это был первый победный бой Уразаева на фронте, но он же стал и последним» [11, 65]. При переводе потерял точный язык автора, обороты «алай булмады шул», сравнения «явыз дошман» попросту пропущены переводчиком, что привело некоторому снижению стиля.

Скрещение разных точек зрения, противостояние героев составляет основу стиля

повествования. В отрывке: «Сугыш шушы кыска гына арада үзенең бар дәһшәтен күрсәтеп өлгерә шикелле, рөхсәтсез-нисез ут позицияләрен ташлап киттеләр, беркетелгән коралларын калдырып качтылар... Хәзер приговорсыз-нисез сугышчыларның берсен үлем жәзасына хөкем итәргәме? Язып беркетергә, тавышка куярга ара да, мөмкинлек тә юк! Исән калдырырга да ярамый: Жукны ким дигәндә икәү саклап барырга тиеш. Ул үгездәй таза, яшь, көчле» [10, 402]. – «Непросто было Мухаммеду и старшине. Они сами, без команды, бросили боевые позиции и бежали. А теперь без суда приговорили к расстрелу своего же бойца! Имеют ли они на это право? А если его оставить в живых? Нет, и это невозможно: к такому здоровяку надо будет приставить двух солдат» [11, 64]. Столкновение точки зрения автора-рассказчика и героя является залогом нового противоречия. Единство принципа, действующего на всех уровнях произведения, придает повествованию необходимую целостность.

В реалистической стилистике слово важно, прежде всего, своим прямым значением. Оно четко, объективно, соответствует понятию о предмете. Повествование обрывается во временной связи событий, действий, отношений, где оно зависит от соот-

ношения эпических и лирических начал, от характера психологизма и экспрессии, которая может быть изобразительной и выразительной, от драматического накала событий, от степени их вымысленности и достоверности, от взаимосвязи плана автора с планом персонажей. Поскольку в лирическом произведении центр зрения не в постижении объективного содержания предмета, а в выражении личного отношения к нему, то естественно преобладание субъективного начала. Динамика лирического повествования создается не отражением действий, а рассказом напряженной духовной жизни героя. Высокий лирический накал авторской мысли становится той энергией, которая дает повествованию целеустремленность и силу, что является характерным для романа Я. К. Занкиева «Зори Иртыша».

Таким образом, в переводе Н. Ш. Сайфуллиной литературный текст получился «неоднородный с точки зрения эмоционально-смысловой доминанты» [14]. В каждом из фрагментов повествования обнаруживаются семантические компоненты, соответствующие личности переводчика, и не соотносимые с оригинальным текстом, хотя авторская концепция романа переводчиком до реципиента была доведена.

Литература

1. Занкиев, Я. К. Зори Иртыша. Роман [Текст] / Я. К. Занкиев. – Кн. 1. – Тюмень : Софт-Дизайн, 1996. – 272 с.
2. Мещерякова, М. И. Литература в таблицах и схемах [Текст] / М. И. Мещерякова. – М. : Рольф, 2000. – 224 с.
3. Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений в 9 томах [Текст] / Н. А. Добролюбов. – М. : ГИХЛ, 1961. – 401 с.
4. Уэллек, Р. Теория литературы [Текст] / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М. : Прогресс, 1978. – 241 с.
5. Сайфулина, Ф. С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона : монография [Текст] / Ф. С. Сайфулина. – Тюмень : Издательство «Вектор Бук», 2007. – 296 с.
6. Кирамова, Х. Х. Литературно-публицистическая деятельность Якуба Занкиева : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Х. Х. Кирамова – Тобольск, 2009. – 23 с.
7. Сайфулина, Ф. С. Татарская литература Тюменского региона: история и современность : автореф. дис. ... доктора филол. наук [Текст] / Ф. С. Сайфулина. – Казань : КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 2008. – 50 с.
8. Ташкеева, Г. Х. Мифологические и фольклорные мотивы в романах Якуба Занкиева : автореф. дис. канд. филол. наук [Текст] / Г. Х. Ташкеева. – Тобольск, 2009. – 23 с.
9. Белинский, В. Г. Собрание сочинений в 13 томах [Текст] / В. Г. Белинский. – М. : АН СССР, 1956. – 315 с.
10. Занкиев, Я. К. Иртыш таңнары: роман [Текст] / Я. К. Занкиев. – Казань : Татар. Кит. Нәшрияте, 1994. – 672 бит.

11. Занкиев, Я. К. Зори Иртыша. Роман [Текст] / Я. К. Занкиев. – Кн. 2. – Тюмень : Софт-Дизайн, 1998. – 232 с.
12. Галямова, Г. С. Тема Сибири в татарской прозе второй половины XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Я. К. Занкиев. – Tobolsk, 2006. – 18 с.
13. Бабшанова, Г. Н. Художественная концепция личности в прозе сибирско-татарских писателей XX века: Занкиев Я. К., Сулейманов Б. В. : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Г. Н. Бабшанова. – Tobolsk, 2009. – 24 с.
14. Красильников, В. Г. Сопоставительный анализ оригинала художественного текста [Электронный ресурс] / В. Г. Красильников. – Режим доступа : <http://www.textology.ru>. (дата обращения: 17.12.15).

References

1. Zankiev Ja. K. *Zori Irtysha. Roman. Kn. 1* [Dawns of Irtysh. The novel. Book 1]. Tyumen: Soft-Dizayn Publ., 1996. 272 p.
2. Meshcheryakova M.I. *Literatura v tablicah i shemah* [The literature in tables and diagrams]. Moscow: Rol'f Publ., 2000. 224 p.
3. Dobroljubov N. A., *Sobranie sochinenij v 9 tomah* [Collected Works in 9 volumes]. Moscow: GИИЛ Publ., 1961. 401 p.
4. Ujellek R., Uorren O. *Teorija literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Progress Publ., 1978. 241 p.
5. Sajfulina F. S. *Formirovanie i razvitie tatarskoj literatury Tjumenskogo regiona: monografija* [Formation and development of Tatar literature of Tyumen region: monograph]. Tyumen: «Vektor Buk» Publ., 2007. 296 p.
6. Kiramova H. H. *Literaturno-publicisticheskaja dejatel'nost' Jakuba Zankieva* [Literary and journalistic activity of Yakub Zankiev]. Tobolsk, 2009. 23 p.
7. Sajfulina F. S. *Tatarskaja literatura Tjumenskogo regiona: istorija i sovremennost'* [Tatar literature of Tyumen region: history and modernity]. Kazan, 2008. 50 p.
8. Tashkeeva G. H. *Mifologicheskie i fol'klornye motivy v romanah Jakuba Zankieva* [Mythological and folklore motives in the novels Yakub Zankiev]. Tobolsk, 2009. 23 p.
9. Belinskij V.G. *Sobranie sochinenij v 13 tomah* [Collected works in 13 volumes]. Moscow: ANSSSR Publ., 1956. 315 p.
10. Zankiev Ja. K. *Irtysh taһnary: roman* [Irtysh taһnary: a novel]. Kazan: Tatar. Kit. Nәshrijate Publ., 1994. 672 p.
11. Zankiev Ja. K. *Zori Irtysha. Roman. Kn. 2* [Dawns of Irtysh. The novel. Book 2]. Tyumen: Soft-Dizayn Publ., 1998. 232 p.
12. Galjamova G. S. *Tema Sibiri v tatarskoj proze vtoroj poloviny XX veka* [The theme of Siberian in Tatar prose of the second half of the XX-th century]. Tobolsk, 2006. 18 p.
13. Babshanova G. N. *Hudozhestvennaja koncepcija lichnosti v proze sibirsko-tatarskih pisatelej XX veka: Zankiev Ja. K., Sulejmanov B. V.* [The art conception of the person in the prose of Siberian-Tatar writers of the XX-th century: J. K. Zankiev, Suleymanov B.V]. Tobolsk, 2009. 24 p.
14. Krasil'nikov V. G. *Sopostavitel'nyj analiz originala hudozhestvennogo teksta* [Comparative analysis of the original of the art text]. Available at: <http://www.textology.ru>. (accessed December 17, 2015).